

Ян Флеминг

«RISICO»

— В этом деле слишком много *risico*.¹ — Тихий вкрадчивый голос сочился сквозь густые каштановые усы. Тяжелый пристальный взгляд черных глаз скользнул по лицу Джеймса Бонда и уперся в его пальцы, аккуратно рвущие на части бумажную салфетку с надписью: «Ресторан „Коломбо Д'Оро“».

Впервые это неприятное чувство, когда тебя внимательно исподтишка изучают, кольнуло Бонда пару часов назад, как только он появился в баре «Эксцельсиор». Он должен был подойти к мужчине с большими усами, пьющему «александер» за отдельным столиком. Бонду понравился пароль. Во всяком случае, слабый дамский коктейль выглядел гораздо умнее, чем сложенная газета, или цветок в петлице, или желтые перчатки, — пропахшие нафталином немудреные шпионские фокусы. В отличие от них, «александер» мог обойтись без своего владельца, и Кристатос воспользовался этим, начав с небольшой проверки.

В баре было человек двадцать, но ни одного усатого. Осмотревшись кругом, Бонд направился напрямик к столику в дальнем углу длинной полутемной комнаты. На нем, между тарелкой маслин с одной стороны и орехов кешью — с другой, на высокой ножке красовался белый бокал — водка со сливками. Бонд подошел к столу, выдвинул стул и сел.

Тут же появился официант.

— Добрый вечер, сэр. Синьор Кристатос отошел к телефону.

Бонд кивнул.

— Негрони с «Гордоном», пожалуйста.

Официант вернулся к стойке.

— Негрони. *Uno*.² С «Гордоном».

— Прошу прощения. — Огромная волосатая лапа подняла стул, словно это был спичечный коробок. — Я должен был перекинуться парой слов с Альфредо.

Они обошлись без рукопожатия. Со стороны могло показаться, что встретились старые знакомые, быть может, деловые партнеры. В области экспорта-импорта, например. Тот, что помоложе, выглядел американцем. Хотя нет, американец так не оденется. Скорее, это был англичанин.

Бонд быстро вернул подачу:

— Как его сынишка?

Темные глаза синьора Кристатоса сузились. Да, подтвердил его взгляд, в лице Бонда он встретил профессионала.

Итальянец развел руками.

— Все так же. А вы чего ожидали?

— Полио отчаянный сорванец.

Принесли негрони. Мужчины уселись поудобнее, откинувшись на спинки стульев. Каждый испытывал удовлетворение, что его собеседник оказался серьезным партнером. Редкий случай в их бизнесе. Слишком часто еще в самом начале контакта новый человек терял доверие. Не раз на таких встречах Джеймс Бонд почти наяву ощущал слабый запах паленого — первый признак того, что его личина начала тлеть. И тогда оставалось лишь поскорее уносить ноги, не дожидаясь, пока она вспыхнет и сгорит дотла, а его самого пристрелят. На этот раз, контакт, похоже,

¹ Риск (разговорный итал.).

² Один (итал.).

прошел гладко.

Однако тем же вечером, когда они сидели в небольшом ресторанчике «Коломбо Д'Оро» на Пьяцца-ди-Спапья, Джеймс Бонд с удивлением обнаружил, что его продолжают проверять. И хотя замечание Кристатоса относительно риска предприятия уже подразумевало его возможность, итальянец, почти не скрывая, присматривался к Бонду, явно сомневаясь, можно ли ему окончательно доверять. Впрочем, осторожность синьора Кристатоса лишь подтверждала интуицию М,³ считавшего, что тот знает многое.

Бросив последний обрывок салфетки в пепельницу, Бонд сказал:

— Между прочим, меня учили, что ни одно дело, сулящее больше десяти процентов прибыли либо назначенное после девяти вечера, не обходится без риска. Мы же собираемся получить по тысяче процентов чистого дохода, а действовать будем исключительно по ночам. Так что риск возрастает вдвое. — Бонд понизил голос. — Я плачу наличными. Доллары, швейцарские франки, венесуэльские боливары — любая валюта.

— Это меня радует. Я уже не знаю, куда девать лиры.

Синьор Кристатос взял меню. — Однако давайте что-нибудь съедим. Важные дела не решают на пустой желудок.

Неделей раньше Джеймса Бонда вызвали к М. Шеф был в плохом настроении.

— Чем занимаетесь, 007?⁴

— Ничем, сэр, только перекладываю бумаги.

— Что значит «перекладываю бумаги»? — М ткнул чубуком трубки в ящик входящих на своем столе. — У кого из нас нет текущих дел?

— Я имел в виду оперативную работу, сэр.

— Ладно, пусть будет по-вашему. — М взял перевязанную стопку темно-красных скоросшивателей и резким движением пустил ее по крышке стола Бонду. Тот едва успел поймать папки. — Вот вам еще бумажная работенка. Клиентура Скотланд-Ярда — в основном, наркоманы. Плюс макулатура из министерства внутренних дел и министерства здравоохранения. И несколько толстых отчетов славных парней из Женевы, из Международной организации по контролю наркомании. Забирайте все с собой и внимательно изучите. Времени предостаточно: весь остаток сегодняшнего дня и ночь, на ваше усмотрение. А завтра вы летите в Рим и там сядете на хвост одной крупной фигуре. Ясно?

Бонд ответил, что ясно. Он видел, что шеф был вне себя от ярости, и сочувствовал ему. Ничто в мире не могло разозлить М больше, чем отвлечение его людей от их прямых обязанностей — агентурной работы и, в необходимых случаях, организации диверсий и подрывной деятельности. Все остальное он считал злоупотреблением секретной службой и ее фондами, которые, Бог свидетель, и без того были скудными.

— Есть вопросы? — Челюсть М выпятилась как форштевень дредноута. Она словно советовала Бонду забрать бумаги и проваливать из кабинета ко всем чертям, предоставив начальнику заняться более важными делами.

Но Джеймс Бонд знал, что свирепость шефа была напускной. На службе о причудах М ходили легенды, и хотя для самого М это не было секретом, он отнюдь не

³ Один из руководителей британской секретной службы, СИС, и непосредственный начальник Джеймса Бонда. М — псевдоним, а не инициал.

⁴ Служебный псевдоним Джеймса Бонда. Два нуля перед номером означали, что при выполнении заданий Бонд мог безнаказанно совершить любое уголовное преступление, вплоть до убийства.

собирался изменять себе. Прежде всего М терпеть не мог, когда его и сотрудников его отдела использовали не по их прямому назначению, а также не выносил идеалистов, старающихся докопаться до абсолютной истины в ущерб государственным интересам. Были у него и мелкие слабости. Так, он не брал на работу бородатых мужчин и людей с двумя родными языками, испытывая к тем и другим необъяснимую идиосинкразию. Незамедлительно увольнял любого, кто хоть раз пытался оказать на него давление через своих родственников в правительстве. Не доверял женщинам и мужчинам, слишком внимательно следившим за своей внешностью, и всякому, кто обращался к нему «сэр» вне службы. При всем этом он почему-то питал особую слабость к шотландцам. Впрочем, относился М к своим предрассудкам иронически, и Бонду всегда казалось, что именно так воспринимали собственные слабости Черчилль и Монтомери. М никогда не сердился, если сотрудники не принимали всерьез его притворство. И сейчас Бонд, разумеется, понимал, что у шефа даже в мыслях не было отпустить его, не проинструктировав самым тщательным образом.

Он сказал:

— Всего два вопроса, сэр. Почему мы влезает в это дело, и какие подступы, если они вообще есть, имеет наша римская резидентура к тузам в этой игре?

М одарил Бонда мрачным взглядом. Он повернулся в кресле так, чтобы видеть в окно высокие, стремительно несущиеся октябрьские облака. Взяв трубку, М резко дунул в нее и, после того как появилось маленькое облачко дыма, аккуратно положил ее обратно на стол. От его раздражения не осталось и следа, говорил он неторопливо, спокойным голосом:

— Как вы понимаете, 007, я не хотел, чтобы нас втравили в это дело с наркотиками. В начале года я на пару недель освободил вас от других дел и послал в Мексику, где вы едва не лишились головы. В награду я перевел вас в специальную группу. И когда меня попросили, чтобы вы занялись этой итальянской бандой, я отказал. Тогда Ронни Валланс⁵ у меня за спиной обратился в министерства внутренних дел и здравоохранения. Министры надавили на меня, но я сказал, что вы нужны здесь и что свободных людей у меня нет. Министры отправились к премьеру, — М сделал паузу, — а ему не откажешь. Правда, должен признаться, что его доводы звучали убедительно. Премьер-министр считает, что количество поступающего в страну героина уже не просто наркотик, а оружие психологической войны, которое ставит под угрозу здоровье нации. Премьер заметил: он не удивится, если окажется, что за всем этим кроется не обычная шайка итальянских уголовников, извлекающих сверхприбыль, а диверсия, направленная на подрыв устоев нашего общества и не имеющая ничего общего с подпольным бизнесом. — М невесело усмехнулся. — Думаю, что эту мысль ему вложил сам Ронни Валланс. Его люди потеряли чертову прорву времени, пытаясь пресечь ввоз наркотиков в страну. По американскому образцу они сосредоточили внимание на подростках в дансингах и других увеселительных заведениях — там всюду идет мелкая торговля зельем. Сотрудникам Валланса из отдела по борьбе с контрабандой удалось выйти на одного из посредников и установить, что товар поступает из Италии в автомобилях туристов. Валланс связался с итальянской полицией и Интерполом, но мало чего достиг. Они продвинулись чуть дальше по цепочке посредников, арестовали еще нескольких курьеров, а когда было решили, что подобралась к сердцевине, вдруг уперлись в глухую стену. Все люди, близкие к центру паутины, либо слишком запуганы, либо слишком хорошо оплачиваются.

Бонд прервал шефа:

⁵ Министр транспорта Великобритании.

— Не исключено, что полиция куплена. Помните дело Монтези, оно выглядело очень подозрительно.

М нетерпеливо пожал плечами.

— Может быть, может быть. Естественно, вы должны остерегаться этого, хотя, по-моему, дело Монтези закончилось основательной чисткой. Но как бы то ни было, получив приказ премьер-министра, я решил проконсультироваться с Вашингтоном и получил в ЦРУ очень полезную информацию. Вы знаете, что еще с войны американцы держат в Италии бригаду из отдела по борьбе с наркотиками. Эти люди не имеют ничего общего с ЦРУ, а подчиняются американскому министерству финансов. В этом министерстве есть так называемая секретная служба, которая борется с контрабандой наркотиков и подделкой денег. Довольно идиотское сочетание. Меня всегда мучило любопытство, что думает по этому поводу ФБР. Впрочем, это их дело, — М медленно повернулся в кресле к столу и, сцепив руки на затылке, откинулся в кресле. Теперь он смотрел на Бонда. — Вся штука в том, что резидентура ЦРУ в Риме тесно сотрудничает с этой маленькой командой ловцов фальшивомонетчиков. Они вынуждены контактировать, чтобы не перебегать дорогу друг другу. Так вот, ЦРУ — сам Аллен Даллес, лично, между прочим, — сообщил мне имя главного информатора этих ребят из отдела по борьбе с наркотиками. Скорее всего, он двойник — сам приторговывает травкой для прикрытия. Зовут этого типа Кристатос. Даллес сказал, чтобы мы не рассчитывали на помощь его людей в Риме, и предупредил, что министерству финансов тоже наверняка не понравится, если сотрудники их римской команды будут помогать нам слишком активно. Но при этом он обещал, если я пожелаю, лично замолвить Кристатосу словечко за одного из наших... э-э... лучших парней, который якобы намерен повернуть с ним одно дельце. Разумеется, я поблагодарил Даллеса, а вчера получил известие, что встреча с Кристатосом назначена на послезавтра. — М кивнул на папки, лежащие перед Бондом. — Там вы найдете детали.

Ненадолго в кабинете воцарилось молчание. Бонд подумал, что все это дело выглядит неприятным, по всей видимости, опасным и уж во всяком случае грязным. С этим последним ощущением в душе он встал и взял папки.

— Хорошо, сэр. Но это обойдется вам недешево. Сколько я могу тратить?

М придвинулся в кресле к столу и положил на него руки ладонями вниз, кисть к кисти. Раздраженным голосом он произнес:

— Сто тысяч фунтов стерлингов. В любой валюте. Эту сумму назвал премьер-министр. Но я не хочу подвергать вас риску. Вы и так таскаете каштаны из огня за других. Можете истратить и вторую сотню тысяч, если возникнут трудности. Наркомафия — крупнейший и опаснейший в мире синдикат преступников. — М потянулся к корзине входящих и вынул оттуда папку с донесениями. Не поднимая головы, он буркнул:

— Берегите себя.

...Синьор Кристатос раскрыл меню.

— Я не собираюсь ходить вокруг да около, мистер Бонд, — сказал он. — Сколько?

— Пятьдесят тысяч фунтов и такой же приварок в случае удачи.

Кристатос равнодушно заметил:

— Это хорошие деньги. Я закажу дыню с окороком и шоколадное мороженое. На ночь я не ем много. В этом ресторане есть свое къанти. Рекомендую попробовать его.

Подошел официант, и они с Кристатосом обменялись короткими очередями по-итальянски. Бонд заказал домашнюю лапшу с зеленью под генуэзским соусом, состоявшим, по словам Кристатоса, из фантастической смеси базилика, чеснока и еловых шишек.

Когда официант удалился, Кристатос откинулся на спинку и стал молча жевать деревянную зубочистку. Постепенно его лицо темнело, становилось мрачным; оно как зеркало отражало бушевавшие его сомнения. Тусклые черные глаза заблестели, их тяжелый взгляд беспокойно шарил вокруг, избегая лишь сидящего напротив Бонда.

«Он сомневается, стоит ли раскрывать все карты», — подумал Бонд, а вслух произнес ободряюще:

— При известных обстоятельствах сумма может увеличиться.

Казалось, Кристатос на что-то решился. Бросив: «Вот как?» — он отодвинул стул и встал.

— Извините, мне нужно в туалет. — Повернувшись, он быстро пошел в дальний конец зала.

Неожиданно Бонд почувствовал, что проголодался и хочет пить. Он налил кьянти в большой бокал и залпом выпил половину. Затем отломил кусок булки и стал есть, намазывая хлеб толстым слоем желтого масла. Интересно, почему булка с маслом кажется такой вкусной только во Франции и Италии? Других мыслей у Бонда не было. Он сделал все, что мог, и теперь оставалось только ждать. Кристатос ему поверил, — ведь он был крупной фигурой, солидным клиентом, которого рекомендовали сами американцы. По-видимому, Кристатос пошел звонить, и этот звонок решит все. Через зеркальное стекло ресторана Бонд глазел на прохожих за окном. Вот проехал на велосипеде разносчик одной из партийных газет. Поверх корзины на переднем крыле развевался красный флажок. Белыми буквами на нем было написано: «Progresso? — Si! Avventuri? — No!». ⁶ Бонд улыбнулся. Он был в прекрасном настроении. Все шло как надо. Сейчас главное продолжать в том же духе.

...В противоположном конце полупустого зала ресторана за угловым столиком около кассы пышная блондинка с ярко накрашенным ртом наклонилась к преуспевающего вида мужчине, словно привязанному за подбородок к тарелке толстой веревкой спагетти, и сказала:

— У него хищная улыбка, а так он милый. Легавые не бывают такими симпатичными. Ты уверен, что не ошибся, mein Taubchen? ⁷

Зубы мужчины клацнули, перекусив макаронную веревку. Он вытер губы салфеткой, испачканной томатным соусом, и, зычно рыгнув, сказал:

— Сантос никогда не ошибается в таких вещах. У него нюх на ищеек. Поэтому я и поручил ему пасти этого ублюдка Кристатоса. Скажи, кому, кроме легавого, придет в голову провести целый вечер с этой свиньей? Но мы проверим еще раз. — Он вынул из кармана маленький жестяной скреппер, из тех, что выдают вместе с выкройкой бумажного колпака и свистулькой на карнавалах, и негромко щелкнул. Метрдотель в противоположном конце зала остановился как вкопанный и, развернувшись, бросился к их столику.

— Si, padrone? ⁸

Мужчина поманил его пальцем. Метр нагнулся, почтительно прислушиваясь к шепоту. Затем коротко кивнул, пересек зал ресторана к двери с табличкой «Ufficio», ⁹

⁶ «Прогресс? — Да! Авантюры? — Нет!» — *(итал.)*.

⁷ Мой голубок *(нем.)*.

⁸ Да, хозяин? *(итал.)*.

⁹ Управляющий *(итал.)*.

зашел внутрь, плотно прикрыв дверь за собой.

Шаг за шагом мелкими незаметными движениями начало претворяться в жизнь идеально отрепетированное действие. Мужчина за столиком у кассы продолжал, громко чавкая, поглощать спагетти, исподтишка наблюдая за каждым ходом разыгрывающейся партии.

Вновь появился метрдотель и засеменил через зал ресторана, на ходу громко распорядившись:

— Еще один стол на четверых. Живо.

Его помощник поймал взгляд метра и кивнул. Он щелкнул пальцами, подзывая официантов. Затем взял стул от одного стола, от другого и, с поклоном извинившись, забрал свободный стул из-за стола Бонда. Четвертый стул принес из служебного помещения сам метрдотель. Он расположил стулья квадратом, в середину был опущен стол, беззвучно расставлена посуда и разложены приборы.

Метрдотель нахмурился.

— Я же сказал: стол на троих — слышите, на троих! А вы накрыли на четверых.

Он мимоходом подхватил стул, который только что принес из кабинета управляющего, и переставил его к столу Бонда. Движением руки он отпустил помощников, и они будто растаяли в воздухе, вернувшись к своим обязанностям.

Все заняло меньше минуты — словно порыв ветерка прошелся по залу и стих. В ресторане появилось трио беззаботных итальянцев. Метрдотель встретил их у входа, поздоровался с каждым отдельно и с поклонами проводил к новому столику. Дебют был разыгран.

Джеймс Бонд едва ли обратил внимание на суету вокруг. А вскоре вернулся Кристатос, и им принесли ужин. За едой они болтали о разных пустяках: о выборах в Италии, о последней модели «альфа-ромео», сравнивали итальянскую обувь с английской... Кристатос умел поддерживать разговор. Казалось, он знал обо всем на свете. Его непринужденная манера рассуждать о профессиональных тонкостях любого дела невольно вызвала уважение. В разговоре он пользовался собственным вариантом английского, щедро приправленным словами и целыми фразами из других языков. Получалась довольно забавная смесь. Честно говоря, Бонд не ожидал обнаружить в информаторе столь эрудированного и умного человека. Теперь ему стало понятно, почему американцы так носятся с этим Кристатосом.

Принесли кофе. Синьор Кристатос закурил тонкую черную сигару и продолжал говорить сквозь зубы, не выпуская чирuty из рта. При этом она прыгала вверх и вниз между его тонкими прямыми губами. Кристатос положил ладони на стол перед собой и, глядя на скатерть между ними, тихо говорил:

— Теперь о деле. Я согласен. До сих пор я работал с американцами, но они не знают того, что узнаете вы. Просто они не спрашивали меня об этом. Те, кто вас интересуют, не имеют выхода на американский рынок. Существует строгое разделение. Эти люди работают только на Англию. Capito?¹⁰

— Я понял. У каждого своя территория. Обычное дело в таком бизнесе.

— Правильно. А сейчас, как добрые коммерсанты, давайте обговорим условия, прежде чем вы получите товар, идет?

— Конечно.

Синьор Кристатос еще внимательнее стал изучать скатерть.

— Я хочу получить десять тысяч американских долларов в мелких купюрах. Завтра к обеду. Когда вы упечете их за решетку, заплатите мне еще двадцать тысяч. — Синьор Кристатос внезапно поднял голову, бросив на Бонда быстрый

¹⁰ Понятно? (итал.).

пристальный взгляд. — Я не жадный, правда? Я не требую всех ваших денег.

— Цена меня устраивает.

— *Buono*.¹¹ Второе: никогда ни при каких обстоятельствах вы не признаетесь, откуда получили информацию. Даже если вас будут бить.

— Ясно.

— Третье: во главе организации стоит плохой человек. — Кристатос замолчал, снова взглянул на Бонда. В черных глазах итальянца мелькнул красный отблеск. Его тонкие губы отклеились от сигары, процедив:

— Он должен быть *destrutto* — убит.

Бонд откинулся на спинку стула, насмешливо наблюдая за собеседником, который налег грудью на стол в ожидании ответа. Вот, оказывается, в чем дело. Частная вендетта, так сказать. Кристатос хочет разделаться с соперником рукой наемного убийцы, причем не заплатив тому ни пенни. Наоборот, убийца сам заплатит Кристатосу за честь расправиться с его врагом. Великолепная идея! На этот раз двойник решил не только сорвать хороший куш, но и воспользоваться услугами секретной службы для сведения личных счетов. Бонд вкрадчиво поинтересовался:

— Почему?

— Если не хотите услышать ложь, не задавайте таких вопросов, — равнодушным голосом ответил синьор Кристатос.

Джеймс Бонд допил кофе. Обычная история в мире организованной преступности — на виду лишь верхушка айсберга, а до сути никому никогда не докопаться. Но ему-то что за дело? У него есть задание: сокрушить клан контрабандистов наркотиков. В случае успеха никого, и в первую очередь М, не будут интересовать подробности. И более того: если во главе клана стоит этот неизвестный Бонду человек, то его убийство не выходит за рамки приказа М.

Бонд произнес:

— Не обещаю вам этого. Все, что могу сказать: если он будет угрожать моей безопасности, я убью его.

Синьор Кристатос взял со стола новую зубочистку, развернул бумажную обертку и стал выковыривать грязь из-под ногтей. Закончив чистить ногти на одной руке, он взглянул на Бонда и сказал:

— Я редко играю наобум. Но на этот раз рискну, потому что вы платите мне, а не я вам. Правильно? Итак, сейчас вы получите информацию и будете действовать самостоятельно, *solo*. Завтра вечером я улетаю в Карачи. Там у меня важное дело. Я буду полезен вам только информацией, дальше вы играете в одиночку... — Он бросил грязную зубочистку на стол.

Придвинувшись поближе к Бонду, синьор Кристатос начал тихо и быстро говорить. По ходу рассказа он упоминал даты, адреса, имена, ни разу не запнувшись и не тратя времени на второстепенные детали. В итоге Джеймс Бонд услышал сжатую, но исчерпывающую историю итальянской наркомафии. Сейчас в Италии, по словам Кристатоса, действует около двух тысяч бывших американских гангстеров — итало-американцев, высланных по суду из США. Живется им нелегко. Все они состоят в самом черном из полицейских списков. Найти работу практически невозможно, ибо на родине этих людей опасаются нанимать из-за их дурной репутации. Сотня наиболее состоятельных из них — своего рода элита — объединила капиталы и направила представителей из своего круга в Бейрут, Стамбул, Танжер и Макао — крупнейшие центры подпольной торговли наркотиками. Остальные, а их большинство, работают курьерами. Центр предприятия в Милане, где боссы приобрели под чужим именем небольшую, но респектабельную

¹¹ Хорошо (*итал.*).

фармацевтическую фирму. Сюда курьеры привозят опиум-сырец и его производные. Контрабанду в страну доставляют каботажные суда через Средиземное море. Кроме этого, задействована группа стюардов на итальянской чартерной авиалинии, а регулярным источником снабжения служат вагоны «Восточного экспресса», где целые купе оборудованы двойной обшивкой, куда загружают товар подкупленные мойщики вагонов в Стамбуле. В лабораториях миланской фирмы «Фармация Коломбо С. А.» опиум-сырец очищают и производят из него героин. Отсюда курьеры доставляют наркотик в автомобилях посредникам в Англии.

Джеймс Бонд прервал Кристатоса:

— Наши таможенники достаточно опытные, чтобы пресечь капал такого рода. В автомобиле не так много тайников, о которых они не знают. Куда курьеры прячут товар?

— Всегда в запасное колесо. В нем можно провезти за один раз героина на двадцать тысяч фунтов.

Неужели они никогда не попадались?

— Конечно, попадались, и не раз, хотя это хорошо обученные люди. Но они всегда молчат, еще не было случая, чтобы кто-то из них раскололся. Если они попадают в тюрьму, то получают по десять тысяч долларов за год отсидки. Если у них есть семья, то о ней позаботятся. Но главное: в случае удачи они загребают огромные деньги. Это своего рода кооператив. Общий доход делится поровну между его членами, один лишь шеф имеет дополнительную долю.

— Понятно, Ну, а кто у них шеф?

Подняв руку к манильской сигаре во рту, синьор Кристатос продолжал тихо говорить из-под ладони:

— Они зовут его Голубь. Настоящее имя — Энрико Коломбо. Padrone этого ресторана. Вот почему я привел вас сюда. Вон тот жирный тип, что сидит с блондинкой за столиком рядом с кассой. Она из Вены. Зовут Лизл Баум. Роскошная шлюха.

Бонд задумчиво протянул:

— Так вот кто она. — Ему не нужно было оборачиваться. Он обратил внимание на девушку, еще не успев сесть за свой стол, как, впрочем, любой мужчина в ресторане. Ее крупное тело, широкий смеющийся рот, задорно вздернутый нос, вызывающая прическа взбитых волос пепельного цвета, черная бархотка на родной белой шее, очаровательно-беспутный вид и бьющая через край жизненная энергия словно магнитом притягивали мужские взгляды. Джеймс Бонд подумал, что именно такими принято представлять веселых венок, которые в действительности, увы, слишком редко обладают столь счастливой внешностью. На протяжении вечера он не раз ловил на себе ее взгляды. Спутник девушки показался Бонду типичным преуспевающим жизнелюбом, которого она выбрала в поклонники на этот раз. Его кошелек сулит ей приятные развлечения, и с обеих сторон не будет сожалений при расставании. Поначалу Бонд одобрил ее выбор. Ему нравились щедрые неунывающие люди, которые стремятся брать от жизни все. И хотя девушка досталась не ему, Бонд утешался тем, что она попала в хорошие руки. Но теперь? Повернувшись, взглянул на нее через зал. Пара над чем-то смеялась. Мужчина потрепал ее по щеке, встал из-за стола и направился к двери с табличкой «Ufficio». Зайдя внутрь, он плотно закрыл за собой дверь. Вот, значит, как выглядит организатор величайшей контрабандной линии в Англию. Преступник, чью голову М оценил в двести тысяч фунтов стерлингов. Человек, смерти которого жаждал Кристатос. Ну ладно, теперь все стало на свои места.

Джеймс Бонд вызывающе уставился на девушку. Она подняла голову, и Бонд, поймав ее взгляд, широко улыбнулся. Глаза австрийки скользнули мимо, но на губах появилась едва заметная усмешка. И когда она достала из сумочки сигарету и,

прикурив, выпустила дым к потолку, Бонд уже знал, что ему демонстрируют шею и профиль.

Приближалось время окончания вечерних сеансов в кинотеатрах и наплыва посетителей в рестораны. Метрдотель надзирал за уборкой освободившихся столов и расстановкой дополнительных. Обычная ресторанный суэта — позвякивание стекла, глухой стук расставляемых приборов. Краем глаза Бонд заметил, как из-за их столика передвинули свободный стул к соседнему столу на шестерых. Он стал уточнять детали у Кристатоса: привычки и деловые интересы Энрико Коломбо, где он живет, адрес фармацевтической фирмы в Милане... Бонд не замечал неспешного дрейфа их свободного стула от одного стола к другому, затем к третьему и, наконец, в дверь с табличкой «Ufficio». Сейчас Джеймсу Бонду было не до перестановок ресторанной мебели.

Когда стул занесли в кабинет, Энрико Коломбо жестом приказал метру удалиться и запер за ним дверь. Он подошел к стулу, снял толстую подушку сиденья и отнес ее на стол. Расстегнув молнию сбоку, он вытащил наружу магнитофон. Остановив его, Коломбо перемотал пленку назад и отрегулировал скорость и звук. Затем он сел за стол, закурил и стал слушать, время от времени подстраивая звук и заново прокручивая отдельные места. Наконец, когда металлический голос Бонда произнес: «Так вот кто она», — и последовало долгое молчание на фоне ресторанного гула, Энрико Коломбо выключил «Грюндиг» и, не шевелясь, просидел целую минуту, глядя на магнитофон. Его лицо отражало сосредоточенную работу мысли. Затем он поднял глаза и, уставившись невидящим взором перед собой, произнес тихо и отчетливо: «Сукин сын». Он медленно поднялся из-за стола, подошел к двери и отпер ее. Потом, обернувшись на магнитофон, сказал еще раз, теперь уже громче и с чувством: «Сукин сын», — и, выйдя в зал, вернулся за свой столик.

Быстро и горячо он начал что-то говорить девушке. Та кивнула и бросила взгляд через зал на Бонда, уже вставшего с Кристатосом из-за своего стола. Неожиданно она низким и злым голосом сказала Коломбо:

— Ты омерзительный тип. Меня все предупреждали об этом и советовали не связываться с тобой. Теперь я вижу, что они были правы. Накормив меня в своем вонючем ресторане, ты уже решил, что можешь оскорблять меня грязными предложениями. — Голос девушки становился все громче. Она схватила сумочку и выскочила из-за стола, загородив Бонду и Кристатосу дорогу к выходу.

Лицо Энрико Коломбо потемнело от гнева. Он поднялся со стула.

— Ах ты, дешевая австрийская сучка...

— Не смей оскорблять мою страну, ты, итальянская жаба. — Девушка проворно дотянулась до своего бокала с вином и выплеснула его прямо в лицо мужчине. Разъяренный Коломбо шагнул к ней, и она, попятившись, налетела на Бонда, который вместе с Кристатосом стоял рядом, терпеливо ожидая возможности пройти.

Энрико Коломбо остановился, утираясь салфеткой. Задыхаясь от бешенства, он прошипел:

— Чтоб духу твоего здесь больше не было. — И, плюнув ей под ноги, он развернулся и большими шагами ринулся в свой кабинет.

Метрдотель поспешил вслед за хозяином. Все в ресторане оторвались от еды, с любопытством разглядывая девушку. Бонд взял ее за локоть.

— Разрешите посадить вас в такси.

Она резким движением вырвала руку, озлобленно бросив: «Все мужчины — скоты», — но тут же опомнилась и сдавленным голосом поблагодарила: «Вы очень любезны».

Заносчиво вздернув подбородок, она поплыла к выходу с Джеймсом Бондом и

синьором Кристатосом в кильватере.

По ресторану прокатился приглушенный гул и стих, возобновился стук ножей и вилок. Сцена явно доставила удовольствие всем присутствующим. Метрдотель со скорбным видом стоял у входа, придерживая открытую дверь.

— Прошу прощения, месье, — обратился он к Бонду. — Мы очень признательны вам за помощь.

На улице показалось свободное такси. Метр призывно помахал и, бросившись к затормозившей машине, распахнул дверцу.

Девушка села в такси. Бонд решительно последовал за ней, захлопнув за собой дверь.

— Я позвоню вам утром, договорились? — бросил он Кристатосу через окно и, не дожидаясь ответа, откинулся на сиденье. Девушка отодвинулась от него, забившись в самый угол.

— Куда вам?

— Отель «Амбассадор».

В течение нескольких минут они ехали молча. Затем Бонд сказал:

— Может, заедем куда-нибудь выпить сначала?

— Нет, спасибо. — Было видно, что она колебалась. — Вы очень любезны, но сегодня я устала.

— Тогда завтра вечером?

— Спасибо, но завтра я уезжаю в Венецию.

— Я тоже туда собираюсь. Не согласились бы вы пообедать со мной завтра вечером в Венеции?

Девушка улыбнулась.

— А я считала англичан робкими. Вы ведь англичанин, не так ли? Как вас зовут? Кто вы?

— Да, я англичанин. Мое имя Джеймс Бонд. Я писатель. Сочиняю детективные истории. Сейчас пишу роман о контрабандистах наркотиков. Действие происходит в Риме и Венеции. Но беда в том, что я знаю предмет недостаточно хорошо. Вот и решил немного попутешествовать, чтобы собрать материал. Вы мне не поможете?

— Теперь мне понятно, почему вы обедали с этим Кристатосом. Я его немного знаю. Опасный тип. А помочь вам я не смогу. Я знаю только то, что известно всем.

Бонд с энтузиазмом воскликнул:

— Да ведь это как раз то, что мне нужно! Я же не высасываю сюжеты из пальца, а опираюсь на реальные факты, и мне просто не обойтись без слухов. Я имею в виду сплетни высокого пошиба. Как показывает опыт, они довольно точно отражают действительное положение вещей. Услышать добротную сплетню для писателя все равно что найти на улице бриллиант.

Девушка рассмеялась.

— Так вы говорите... бриллиант?

— Ну, как автор я не зарабатываю столько. Правда, я уже продал право на экранизацию своей будущей книги, и, если она окажется достаточно интересной, осмелюсь предположить, что у меня и в самом деле купят сценарий. — Он придвинулся к девушке и накрыл ладонью ее руку, лежащую на коленях. На этот раз она не отняла руки. — Вот именно, бриллиант. Скажем, бриллиантовая брошь от Ван Клифа. Идет?

Девушка убрала свою руку. Такси остановилось возле гостиницы. Взяв сумочку, лежавшую между ними на сиденье, она повернулась лицом к Бонду. Швейцар открыл дверцу машины, и ее глаза блеснули в свете уличных фонарей. Внимательно, без улыбки она изучала лицо Бонда, а затем сказала:

— Все мужчины — скоты, хотя в некоторых скотства чуть меньше, чем в остальных. Хорошо, мы встретимся, но не в ресторане. То, что я хочу рассказать вам,

не для чужих ушей. В Венеции я буду каждый день загорать в Лидо. Но не на городском пляже. Я предпочитаю Альберони, где ваш поэт Байрон любил кататься верхом. Это на самой оконечности полуострова. Там в дюнах вы найдете меня послезавтра в три часа дня. Ориентир — желтый зонт. Под ним буду я. — Она улыбнулась. — Не забудьте постучать в зонтик и спросить фрейлейн Лизл Баум.

Они вышли из такси.

Спасибо, что заступились за меня в этом мерзком кабаке. — Лизл протянула ему руку. — Спокойной ночи.

Бонд ответил:

— Значит, послезавтра в три. До свидания.

Девушка повернулась и пошла вверх по стертым ступеням гостиницы. Проводив ее задумчивым взглядом, Бонд сел в такси и попросил отвезти его в «Националь». Откинувшись на сиденье, он рассеянно наблюдал, как неоновые огни за стеклом автомобиля сливаются в сплошную линию. И такси, и все события сегодняшнего вечера неслись со скоростью, не позволявшей чувствовать себя в безопасности. Но пока лишь такси находилось в его власти. Наклонившись вперед, Джеймс Бонд велел шоферу ехать помедленнее.

Из Рима в Венецию удобнее всего добираться поездом «Лагуна-экспресс», который отправляется ежедневно в полдень. Потратив большую часть утра на утомительный обмен радиошифровками с лондонским центром, Бонд едва не опоздал к поезду. Нарядные, современной обтекаемой формы вагоны экспресса снаружи выглядели гораздо комфортабельнее, чем оказались внутри. Кресла явно были рассчитаны на низкорослых итальянцев, а прислуга вагона-ресторана страдала тем же недугом, что поразил их собратьев в каждом из знаменитых поездов по всему миру — эпидемией нескрываемой ненависти к пассажирам и особенно к иностранцам. Бонд устроился в кресле рядом с проходом. За окном проносился рай земной, но его это мало трогало. От тряски вагона буквы так и норовили выпрыгнуть со страниц книги, которую он читал, а бокал кьянти на откидном столике стоял в непросыхающей луже постоянно расплескивающегося вина. Время от времени перекладывая свои длинные затекшие ноги, Бонд не уставал проклинать *Ferrobie Italiane dello Stato*.¹² Лишь в Местре он отложил книгу и выглянул в окно. Тонкая, абсолютно прямая стрела рельсов над водами лагуны словно рассекала офорт XVIII века, упираясь в Венецию. А затем — непроходящее потрясение вечной красотой, медленно убавкивающее течение Гранд-канала навстречу кроваво-красному закату и апогей — «Дворец Гритти» с роскошным номером-люкс на втором этаже.

Позже вечером Джеймс Бонд самозабвенно сорил тысячелировыми банкнотами в «Валламбросе», у «Флориана» и, наконец, наверху в фешенебельном «Квадри», поддерживая репутацию преуспевающего литератора, умеющего погулять на широкую ногу. Все еще пребывая в состоянии эйфории, которую испытывает каждый приезжий в свой первый вечер в Венеции, какой бы важной и серьезной ни была цель ее посещения, Бонд вернулся в гостиницу и проспал восемь часов без сновидений.

Май и октябрь — лучшее время в Венеции. Солнце не такое жаркое, а ночи прохладные. Мягкие тона роскошных каменных декораций нежат глаз, раскаленные летом бесконечные булыжные мостовые и мраморные «терраццо» продуваются свежим ветерком. К тому же повсюду меньше людей. И хотя Венеция, пожалуй, единственный в мире город, способный переварить сотню тысяч приезжих так же легко, как тысячу, всасывая их лабиринтами улиц, концентрируя на площадях и

¹² Итальянские государственные железные дороги (*итал.*).

плотно пакуя на палубах *vaporetti*,¹³ — все же гораздо приятнее делить Венецию с минимальным количеством организованных туристов и «Lederhosen».¹⁴

Утро следующего дня Джеймс Бонд провел в городе, проверяя, нет ли за ним слежки. Он петлял переулками, пару раз зашел в церкви, где интересовался не великолепным внутренним убранством, а теми, кто заходил следом за ним через главный вход, в то время как он исчезал через боковой. «Хвоста» не было. Бонд зашел к «Флориану», где позавтракал по-американски, вполуха слушая парочку французских снобов, озабоченных отсутствием равновесия в архитектуре фасада площади Святого Марка. Затем, повинаясь импульсу, он послал открытку своей секретарше, которая при короле Георге съездила по турпутевке в Венецию и с тех пор не давала Бонду забыть об этом знаменательном событии. В открытке он написал: «Венеция восхитительна! Успел осмотреть железнодорожный вокзал и фондовую биржу — весьма эстетическое зрелище. Сегодня планирую познакомиться с устройством городской канализации, а вечером пойду в кинотеатр „Скала“ на старушку Брижит Бардо. Известна ли вам мелодия „О Соле Mio“? Оч. романтична, как и все остальное здесь. Дж. Б.».

Довольный своим вдохновением, Бонд раньше обычного съел второй завтрак и вернулся в гостиницу. Заперев дверь номера, он снял пиджак и надел на плечо кобуру с «вальтером ППК». Опустив предохранитель, он пару раз потренировался, быстро выхватывая пистолет. Затем сунул «вальтер» обратно в кобуру и застегнул ее. Пора было идти. Он спустился на пристань рядом с гостиницей и сел в *vaporetto*, отходящий в двенадцать сорок на Альберони. Пароходик отчалил и заскользил по зеркалу лагуны. Бонд опустил на скамью в носу судна и задумался о том, что его ждет.

Причал в Альберони на венецианской стороне полуострова Лидо от *Bagni Alberoni*¹⁵ на адриатическом берегу отделяет выжженный солнцем пыльный перешеек шириной полмили. Это был странный пустынный мир — западная оконечность знаменитого полуострова. Всего лишь милей восточнее от перешейка выдохлась экспансия застройки Лидо недвижимостью, оставив следы агонии строительного бума — некогда роскошные виллы с осыпавшейся штукатуркой и котлованы несостоявшихсястроек. А здесь не было ничего, кроме маленькой рыбацкой деревушки Альберони, студенческого летнего лагеря, брошенной опытной станции итальянского флота, нескольких уже оплывших и заросших сорняками орудийных двориов, оставшихся с войны. В центре узкого языка суши вокруг руин древней крепости вились коричневые ухабистые дорожки гольф-клуба «Golf du Lido». Редко кто приезжает в Венецию играть в гольф, и только благодаря снобистским претензиям больших отелей в Лидо клуб не захирел окончательно. Высокие проволочные заборы с угрожающими надписями «Prohibitos» и «Vietatos»¹⁶ вокруг владений гольф-клуба скорее напоминали ограду какого-то сверхсекретного объекта. Проволочный анклав располагался среди поросших чахлым кустарником песчаных холмов, до сих пор не расчищенных от мин. То тут, то там виднелась ржавая колючая проволока с табличками «Minas, Pericole di Morte»,¹⁷ украшенными аляповатым

¹³ Морские трамвайчики, курсирующие по венецианской лагуне (*итал.*).

¹⁴ «Кожаные штаны» — презрительная кличка баварцев (*нем.*).

¹⁵ Пляж Альберони (*итал.*).

¹⁶ «Вход запрещен» (*итал.*).

¹⁷ «Мины, опасно для жизни» (*итал.*).

трафаретным черепом и скрещенными костями. Унылый фантасмагорический пейзаж находился в разительном контрасте с праздничным карнавальным миром Венеции всего лишь в часе езды отсюда.

К концу полумильной прогулки через перешеек Джеймс Бонд слегка вспотел. Он остановился в тени последней акации у дороги, чтобы остыть и определить дальнейший курс. Прямо перед ним возвышалась рахитичная деревянная арка с выгоревшей бледно-голубой надписью: «Bagni Alberoni». По обе стороны от нее тянулись ряды обветшалых фанерных кабинок. За ними простиралась песчаная полоса пляжа шириной ярдов сто, а далее — голубое зеркало моря. На пляже не было видно ни души, и Бонд уже решил, что он закрыт, как вдруг услышал тихую неаполитанскую мелодию. Радио играло в замызганном павильоне, предлагавшем кока-колу и местные прохладительные напитки. У стены павильона штабелем лежали шезлонги, стояли два водных велосипеда и валялась наполовину сдутая резиновая лошадка. Пляжный инвентарь производил столь убогое впечатление, что Бонд усомнился в прибыльности предприятия даже в разгар купального сезона. Он сошел с узкой дощатой дорожки и, проваливаясь в сухом рассыпающемся песке, обогнул павильон с тыла, подошел к воде. Налево, растворяясь в мареве осеннего солнца, вплоть до самого Лидо тянулась пустынная песчаная излучина. Направо через полмили полоса пляжа упиралась в высокую стену волнолома, вытянутым пальцем вдававшегося в лазурную гладь Адриатики. Кое-где на волноломе торчали тонкие стрелы подъемников ловушек для осьминогов. Подальше от берега начинались песчаные дюны, и шла проволочная ограда поля гольф-клуба. Ярдах в пятистах у начала дюн виднелось ярко-желтое пятно.

Бонд направился к нему вдоль кромки берега.

— Гм!

Над зонтом взлетели руки с лифчиком бикини и исчезли. Бонд обошел зонт. Тень падала на лицо девушки, а загорелое кремовое тело в черном бикини оставалось под солнцем.

Лизл Баум взглянула на Бонда из-под опущенных ресниц.

— Вы пришли на пять минут раньше, а кроме того, забыли постучаться, как я просила.

Бонд сел в тень зонтика на ее черно-белое пляжное полотенце и, вынув платок, вытер лицо.

— Вам посчастливилось владеть единственной пальмой в здешней Сахаре. Я бежал со всех ног в ее тень. Странное, честно признаться, место вы избрали для свидания.

Она рассмеялась.

— Я, как Грета Гарбо, обожаю одиночество.

— Разве мы одни?

Лизл широко раскрыла глаза.

— А разве нет? Или вы думаете, что я захватила с собой дуэнью?

— Ну, если вы всерьез считаете всех мужчин скотами...

— Ах, вот вы о чем. Успокойтесь, вас я считаю джентльменом-скотом. — Она хихикнула. — Милордом-скотом. А кроме того, здесь слишком жарко и слишком много песка для подобного занятия. И разве у нас не деловое свидание? Я рассказываю вам о контрабанде наркотиков, а вы дарите мне брошь с бриллиантом от Ван Клифа. Или вы передумали?

— Нет. Договор остается в силе. С чего же мы начнем?

— Задавайте вопросы, а я буду отвечать. — Она села, обхватив колени. В ее глазах не осталось и тени кокетства. Их взгляд стал внимательным и даже, как

показалось Бонду, тревожным.

Удивленно взглянув на нее, Джеймс Бонд равнодушно поинтересовался:

— Ходят слухи, что ваш приятель Коломбо важная шишка в интересующем меня деле. Расскажите о нем. Он мог бы стать неплохим прототипом героя моей книги, под другим именем, разумеется. Мне нужны детали: как он живет, что делает и тому подобное. Такие вещи ни один писатель не может выдумать сам.

Лизл опустила глаза.

— Энрико очень рассердится, если узнает, что я проболталась о его секретах. Я даже боюсь представить, что он со мной сделает.

— Он никогда не узнает об этом.

Она взглянула ему в глаза.

— Lieber¹⁸ мистер Бонд, на свете существует очень мало вещей, о которых ему не известно. К тому же Энрико достаточно умен, чтобы догадаться. Я не удивлюсь, — Бонд перехватил быстрый взгляд Лизл на его часы, — если ему придет в голову проследить меня здесь. Он очень коварный человек. — Она дотронулась до рукава Бонда, и теперь он ясно видел, как она нервничает. — Мне кажется, что вам лучше уйти отсюда, — быстро сказала Лизл. — Кажется, мы сделали большую ошибку.

Бонд демонстративно посмотрел на свои часы. Половина четвертого. Он подвинулся и выглянул из-за зонтика. Вдалеке за пляжными кабинками вдоль берега шли трое мужчин в темной одежде. Их силуэты плясали в раскаленном воздухе, и тем не менее в твердой целеустремленной поступи троицы явно проглядывало что-то солдатское.

Бонд поднялся на ноги. Взглянув вниз на склоненную голову девушки, он сухо сказал:

— Я вас понял. Передайте Коломбо, что с этого момента я начал писать документальный роман. А я, между прочим, упрямый писатель. Пока. — И он побежал вверх по песку к волнолому. По дамбе можно было вернуться назад в Альберони, туда, где были люди.

Внизу на берегу трое мужчин перешли на рысь, как по команде сгибая колени и размахивая руками. Издали они казались бегунами на тренировке. Пробегая мимо девушки, один из них приветственно поднял руку. Она помахала в ответ, а потом отвернулась и легла на песок лицом вниз, может, для того, чтобы теперь загорала спина, а может, чтобы не видеть охоту на человека.

Бонд на бегу сорвал галстук и сунул его в карман. Солнце палило немилосердно, и он уже весь взмок. Но и преследователям приходилось не слаще. Вопрос был в том, кто окажется выносливее. Фигуры за спиной Бонда не увеличивались, но теперь преследователи развернулись веером — двое из них бежали вдоль поля для гольфа, срезая угол. Похоже, они не собирались обращать внимание на предупреждения с черепом и костями. Положение Бонда становилось рискованным.

Достигнув волнолома, он увеличил скорость. Его рубашка промокла насквозь, ноги в туфлях горели. Он уже пробежал не меньше мили. Сколько еще оставалось до спасения? На равных расстояниях в бетон дамбы были вмурованы чугунные стволы старинных орудий, служивших для швартовки рыбацких судов, которые отстаивались под защитой волнолома при штормах в Адриатике. Бонд посчитал шаги между кнехтами. Пятьдесят ярдов. Сколько же этих чугунных пеньков до конца дамбы, до первых домов деревни? Впереди он насчитал их не менее тридцати, остальные пропадали в дымке марева. Вероятно, предстоит пробежать еще не меньше мили. Сумеет ли он опередить тех двоих, что бежали наперерез? Бонд задыхался, в горле стоял ком. Теперь промок насквозь и пиджак, а брюки прилипали к ногам. Сзади,

¹⁸ Дорогой (нем.).

ярдах в трехстах, бежал по дамбе один из преследователей. Справа, то скрываясь, то появляясь среди дюн, быстро приближались двое других. Слева от Бонда крутой скат каменной кладки омывали зеленые волны начавшегося отлива из лагуны в Адриатику.

Джеймс Бонд уже был готов перейти на шаг, чтобы отдышаться и с новыми силами попытаться вырваться из капкана, как вдруг одно за другим произошли сразу два события. Сначала он увидел людей впереди — сквозь марево проступили фигуры купальщиков с подводными ружьями. Их было не меньше полудюжины, одни плавали у самой стенки волнолома, другие загорали наверху. И тут же справа из дюн до него донесся глухой грохот взрыва. Песок, кусты и то, что секунду назад было человеком, взлетели в воздух, и Бонд ощутил легкий толчок взрывной волны. Он замедлил бег. Второй из преследователей, бежавших по берегу ему наперерез, остановился как вкопанный, раскрыл рот, и Бонд услышал истошный вопль. Затем кричавший рухнул на землю и закрыл голову руками. Бонд уже видел этот жест. Теперь несчастный не сдвинется с места до тех пор, пока кто-нибудь не подойдет к нему и не выведет его оттуда. Джеймс Бонд воспрянул духом. До купальщиков ему оставалось каких-то двести ярдов, они уже заметили бегущего человека и, собравшись группой, с любопытством наблюдали за ним. Бонд лихорадочно вспоминал итальянские слова, выстраивая их в предложение: «*Mi Inglese. Piego, dove il carabinieri*». ¹⁹ Он бросил взгляд через плечо. Странно, но единственный оставшийся из преследователей как будто не обращал внимания на посторонних людей. Он был уже в сотне ярдов позади Бонда, в руке у него блеснул пистолет. Неожиданно рыболовы с гарпунными ружьями наизготовку развернулись цепью поперек волнолома, преградив путь Бонду. В центре стоял толстый мужчина в узеньких красных плавках под нависающим животом. Его сдвинутая на лоб зеленая маска напоминала корону. Он стоял, раздвинув ноги в синих резиновых лапах и уперев руки в бока, — вылитый мистер Тоад ²⁰ из голливудского фильма. Впрочем, долго удивляться Бонду не пришлось. Задышавшись, он перешел на шаг. Его рука автоматически нырнула под пиджак за пистолетом. Напротив него стоял Энрико Коломбо.

Итальянец молча наблюдал за приближающимся Бондом. Когда между ними оставалось двадцать ярдов, Коломбо негромко сказал:

— Спрячьте вашу игрушку, мистер Бонд из секретной службы. Наши ружья работают на сжатом углекислом газе. И ни шагу больше, стойте, где стоите. Иначе мы превратим вас в святого Себастьяна с картины Мантеньи. — Он повернулся к стрелку справа и спросил по-английски: — На каком расстоянии был от тебя тот албанец?

— В двадцати ярдах, *padrone*. Гарпун прошел его насквозь, хотя он был вдвое толще этого типа.

Бонд остановился. Присев на чугунный кнехт, он оперся рукой с пистолетом на колено, направив ствол в центр большого живота Коломбо.

— Даже если утыкаете меня своими стрелами как дикобраза, — сказал Бонд, — ты не переваришь мою пулю в своем животе, Коломбо.

Итальянец улыбнулся и кивнул. Человек, бежавший за Бондом по волнолому, неслышно подкрался к нему сзади и ударил его рукояткой «люгера» в основание черепа.

¹⁹ «Я англичанин. Пожалуйста, где здесь карабинеры?» (*искаж. итал.*).

²⁰ *Мистер Жаба* — персонаж сказки Кеннета Грэхема «Ветер в ивах», экранизированной голливудской компанией «Текниколор».

Когда приходишь в себя после сильного удара по голове, первое ощущение — позыв к рвоте. Но и в таком отвратительном состоянии Джеймс Бонд сразу понял, что находится на борту судна в открытом море. Какой-то мужчина промокал ему лоб мокрым холодным полотенцем, приговаривая на ломаном английском.

— Все о'кей, *amigo*.²¹ Не волноваться, не надо.

Бонд в изнеможении откинулся на койке. Он находился в маленькой, но комфортабельной каюте. Иллюминаторы были занавешены изящными шторами, на столе стояли цветы, а в воздухе чувствовался аромат женственности. Матрос в дырявой майке и парусиновых штанах склонился над ним — Бонду показалось, что он узнал в нем одного из рыболовов с гарпунными ружьями. Матрос улыбнулся Бонду, когда тот открыл глаза.

— Тебе лучше, да? *Subito*²² о'кей? — Он сочувственно похлопал себя по затылку. — Немножко болит. Скоро останется только шишка. Под волосами. Девушки ничего не заметят.

Бонд, слабо улыбнувшись в ответ, кивнул и тут же зажмурился от боли, вызванной движением головы. Когда он снова открыл глаза, матрос предостерегающе покачал головой. Он поднес к глазам Бонда запястье с часами. Они показывали семь. Моряк указал мизинцем на цифру «9».

— *Mangiare con padrone, si?*²³ Бонд ответил:

— *Si*.

Матрос приложил ладонь к щеке и склонил голову набок.

— *Dormire*.²⁴

Бонд сказал «*Si*» еще раз, и матрос вышел из каюты, прикрыв за собой дверь, но не заперев ее.

Бонд осторожно слез с койки, подошел к раковине и умылся. Сверху на рундуке аккуратной стопкой лежали его вещи. Все оказалось на месте, за исключением пистолета. Бонд оделся, закурил и, присев на койку, глубоко задумался. Он был растерян. Против воли его взяли в плавание и при этом чуть не уколошили, но, судя по отношению матроса, его не считают врагом. Зачем же они положили столько сил, чтобы захватить его? Один из людей Колombo даже погиб во время охоты за ним, правда, по собственной вине. Похоже, он не нужен был им мертвый. Значит, они постараются склонить его на свою сторону. Интересно, что за сделку предложат ему и что с ним будет в случае отказа?

В девять часов тот же матрос зашел за Бондом и отвел его вниз по короткому трапу в небольшую грязноватую кают-компанию и оставил здесь одного. Около стола и двух кресел в центре кубрика стоял сервировочный столик на колесах с выпивкой и закусками. Бонд попробовал люк в противоположном конце салона. Он был заперт. Тогда Бонд поднял один из иллюминаторов и высунул голову наружу. Еще не совсем стемнело, и ему удалось рассмотреть, что судно было около двухсот тонн водоизмещением, скорее всего, раньше это был большой рыболовецкий сейнер. Внизу урчал дизель, и Бонд прикинул, что они делают шесть-семь узлов. На темном горизонте виднелась россыпь крошечных огоньков — они шли вдоль адриатического побережья Италии.

²¹ Друг (*итал.*).

²² Рана, травма (*итал.*).

²³ Пообедаете с хозяином, да? (*итал.*).

²⁴ Спать (*итал.*).

Задвижка люка с лязгом повернулась. Бонд убрал голову из иллюминатора. По трапу спускался Коломбо. Он был в спортивном хлопчатобумажном свитере, рабочих брюках из саржи и старых сандалиях. Глаза его блеснули насмешливо и самодовольно. Он опустился в одно из кресел и указал Бонду на другое.

— Присаживайтесь, мой друг. Выпивки, закуски и тем для разговора у нас предостаточно. Может, перестанем дуться друг на друга, как подравшиеся пацаны, а? Что будете пить — джин, виски, шампанское? Рекомендую: это лучшая болонская колбаса. Маслины из моего собственного сада. Хлеб, масло, копченый сыр, свежий инжир. Крестьянская еда, но отменного качества. Не стесняйтесь, налегайте, после пробежки у вас должен быть хороший аппетит, — И Коломбо заразительно расхохотался.

Бонд налил себе виски, разбавил содовой и вернулся в кресло.

— Зачем вам понадобился весь этот цирк? — спросил он. — Мы могли бы встретиться без ваших фокусов. Вы, похоже, не подозреваете, какие печальные последствия вас ждут. После того как меня заарканила эта девица в вашем ресторане, — детский розыгрыш, между прочим, — я ожидал от вас нечто подобное и предупредил своего шефа, что собираюсь добровольно угодить в ловушку и посмотреть, чем это кончится. Если я не объявлюсь завтра к полудню, весь Интерпол и вся итальянская полиция обрушится вам на голову. Едва ли она у вас достаточно крепкая, чтобы выдержать это.

Коломбо выглядел озадаченным.

— Но если вы собирались добровольно попасть в ловушку, то зачем же пытались убежать от моих людей? Я послал их пригласить вас на мой корабль, и все бы кончилось мирно. А теперь я потерял одного из моих лучших людей, и вам чуть не проломили череп. Я не понимаю вас.

— Мне не понравился вид вашей троицы. Я знаю, как выглядят убийцы, и мне показалось, что вы хотите совершить глупость. Вы должны были обойтись помощью девушки. Те трое были лишними.

Коломбо покачал головой.

— Лизл согласилась лишь разузнать кое-что о вас, и не более того. Сейчас она злится на меня не меньше вашего. Жизнь — сложная штука. Я стараюсь со всеми дружить, а сегодня приобрел сразу двух врагов. Это плохо.

На лице Коломбо отразилось искреннее огорчение. Он отрезал ломтик колбасы и, нетерпеливо оборвав зубами кожицу, стал есть. Набив рот колбасой, он налил себе шампанского и проглотил все разом. Укоризненно покачав головой, он сказал Бонду:

— Каждый раз, когда я расстраиваюсь, мне необходимо поесть. Но еда, которую я ем от огорчения, плохо переваривается. Вы расстроили меня. Вы сказали, что мы могли бы спокойно встретиться и мирно решить все вопросы, что я виноват в случившейся беде. — Коломбо беспомощно развел руками. — Как я мог знать это? Говоря так, вы перекладываете смерть Марио на мою совесть. Но ведь я не приказывал ему бежать по минному полю. — Коломбо ударил кулаком по столу и злобно закричал на Бонда: — Я не согласен, что это моя вина. Ты сам виноват во всем. Ты согласился убить меня. Кто станет встречать своего убийцу как друга? Отвечай, кто? — Коломбо схватил длинную булку и запихнул ее в рот. Его глаза негодуя сверкали.

— Что вы, черт возьми, имеете в виду? — воскликнул Бонд.

Коломбо бросил на стол остаток булки и вскочил, не сводя горящих глаз с Бонда. Он боком подошел к шкафу, по-прежнему не отрывая взгляда от Джеймса Бонда, нащупал ручку верхнего ящика, выдвинул его, пошарил внутри и извлек оттуда магнитофон. Вернувшись к столу, Коломбо поставил «Грюндиг» напротив Бонда и нажал клавишу.

Услышав металлический голос Кристатоса, Джеймс Бонд машинально взял со

стола свой стакан виски и заглянул в него.

«...Правильно. А сейчас, как добрые коммерсанты, давайте обговорим условия, прежде чем вы получите товар, идет?» — Голос Кристатоса продолжал: — «...десять тысяч американских долларов... вы не признаетесь, откуда получили информацию. Даже если вас будут бить... во главе организации стоит плохой человек. Он должен быть *destrutto* — убит».

Бонд ждал своего ответа, вслушиваясь в приглушенный ресторанный гул. Он помнил, что обдумывал последнее условие довольно долго, но что же он сказал тогда Кристатосу? Наконец, будто отвечая ему, его собственный голос произнес: «Не обещаю вам этого. Все, что могу сказать: если он будет угрожать моей безопасности, я убью его».

Коломбо выключил магнитофон. Бонд проглотил свое виски и только потом собрался с духом и поднял глаза на Коломбо.

— Эти слова еще не делают меня убийцей.

Коломбо смотрел на него со скорбным видом.

— А я считаю, что делают. Ведь это сказал англичанин. Я работал на англичан во время войны. В Сопротивлении. Ваш король наградил меня орденом. — Он сунул руку в карман и бросил на стол серебряную медаль Свободы на красно-бело-синей ленте. — Видите?

Бонд, не отводя глаз, выдержал взгляд Коломбо.

— Там, на пленке, было еще кое-что. Как вы это объясните? Вы уже давно работаете против англичан, вы продались за деньги.

Коломбо фыркнул. Ткнув пальцем в магнитофон, он безмятежно сообщил:

— Я прослушал все, и все это ложь. — Он неожиданно обрушил кулак на стол так, что подпрыгнула посуда, и, негодуя проревев: «Ложь, сплошная ложь, каждое слово ложь», вскочил на ноги, опрокинув кресло. Коломбо медленно нагнулся и поднял его. Затем взял бутылку виски, обошел стол и налил Бонду полный стакан. Вернувшись на место, он поставил перед собой бутылку шампанского. Похоже, он овладел собой. Его лицо стало серьезным и сосредоточенным, а голос звучал спокойно.

— Нет, не все это ложь. В том, что наговорил вам этот подонок, есть крупинцы истины. Именно поэтому я сначала не хотел разубеждать вас. Боялся, что вы мне не поверите и впутаете сюда полицию. А это грозило бы большой бедой мне и моим друзьям. Даже если бы вы или кто-то другой не нашли веских оснований убить меня, все равно был бы скандал и огласка погубила бы меня. Поэтому я решил все же открыть вам правду — ту правду, за которой вас послали в Италию. Через несколько часов, на рассвете, ваша миссия завершится. — Коломбо щелкнул пальцами. — Presto!²⁵ Вот так.

Бонд спросил:

— В чем Кристатос был прав?

Несколько секунд Коломбо смотрел ему в глаза, как бы оценивая. Наконец, он сказал:

— Мой друг, я контрабандист. Здесь Кристатос не врал. Я, быть может, самый удачливый контрабандист на всем Средиземном море. Половина американских сигарет в Италии доставляется мною из Танжера. Золото? У меня монополия на торговлю твердой валютой на черном рынке. Бриллианты? Мой личный поставщик в Бейруте имеет прямой выход в Сьерра-Леоне и Южную Африку. В прошлом, когда эти вещи были редкостью, я занимался пенициллином и другими лекарствами — покупал их в госпиталях американских баз. Были и другие дела, вплоть до

²⁵ Здесь: гоп-ля! (*итал.*).

прекрасных сирийских и персидских девушек, которых я продавал домам в Неаполе. Я укрывал беглых преступников, но, — кулак Энрико Коломбо вновь обрушился на стол, — наркотики: героин, опиум, гашиш — нет! Никогда! Я не имею с ними ничего общего. Это — зло. Все остальное — не такой уж грех. — Коломбо поднял правую ладонь. — Мой друг, клянусь вам в этом здоровье моей мамы.

Перед Бондом впервые за вечер забрезжил свет. Он был готов поверить Коломбо и даже почувствовал невольную симпатию к этому шумному и прожорливому пирату, которого едва не угробил Кристатос его, Джеймса Бонда, руками.

Бонд спросил:

— Почему Кристатос выбрал вас жертвой? Чего он этим добивался?

Коломбо медленно покачал пальцем из стороны в сторону перед своим носом.

— Мой друг, Кристатос есть Кристатос. Он ведет такую крупную двойную игру, что вы даже не представляете ее масштабов. Чтобы удержаться на плаву — сохранять покровительство американской разведки и людей из их службы по борьбе с наркотиками, — он вынужден время от времени скормливать им жертву, кого-нибудь из шестерок. Но дело с англичанами — это уже большая игра, и здесь Кристатосу нужна крупная жертва. На эту роль он или его хозяева выбрали меня. Честно скажу, они сделали неплохой выбор. Если бы вы действовали энергично и не жалели денег на информацию, то вскоре напали бы на след моих дел. Но каждый след, ведущий ко мне, уводил бы вас все дальше от цели. В конце концов (я высоко ценю ваше ведомство) меня бы упрятали за решетку, а лисица, за которой вы охотились, только бы посмеивалась, слыша, как удаляется лай гончих.

— Почему Кристатос хотел вас убить?

Энрико Коломбо с лукавым видом ответил:

— Мой друг, я знаю слишком много. В нашем контрабандном деле мы иногда задеваем за угол соседского бизнеса. Не так давно на этом самом корабле я столкнулся с небольшой албанской канонеркой. Удачный выстрел поджег их танки с горючим. В живых остался лишь один из них. Мы заставили его говорить. Я многое узнал, но, как дурак, рискнул пробраться через минные поля и высадил его на берег севернее Тираны. Это было моей ошибкой. С тех пор этот сукин сын Кристатос охотится за мной. К счастью, — Коломбо по-волчьи осклабился, — я узнал одну вещь, которую он еще не знает. Вы поймете, о чем я говорю, на восходе солнца, когда мы доберемся до небольшой рыбацкой деревушки Санта-Мария, это чуть севернее Анконы. А там, — Коломбо рассмеялся коротким злым смехом, — там мы увидим то, что увидим.

Бонд осторожно спросил:

— Сколько вы хотите за все это? Вы сказали, что моя миссия завершится завтра утром. Какова ваша цена?

Коломбо пожал плечами и равнодушно сказал:

— Нисколько. Просто наши интересы совпали. Я только попрошу вас, чтобы все, что вы услышали от меня сегодня вечером, осталось между нами, и, если это необходимо, вашим шефом в Лондоне. Чтобы это не просочилось в Италию. По рукам?

— Согласен.

Коломбо встал и подошел к шкафу. Он достал из ящика пистолет Бонда и вернул его англичанину.

— В данном случае, мой друг, он пригодится вам. А сейчас не мешает поспать. Завтра в пять мы пьем кофе с ромом. — Он протянул руку. Бонд пожал ее. Сами того не чая, двое мужчин стали друзьями — Бонд чувствовал это. Он смущенно сказал: «Все в порядке, Коломбо», — и направился из салона в свою каюту.

Команда «Коломбины» состояла из двенадцати человек. Это были молодые крепкие парни. Они тихо переговаривались между собой, пока Коломбо расставлял на столе кружки с горячим кофе и ром. В кубрике стояла полутьма — горел лишь штормовой фонарь, судно шло без огней. Бонд тайком улыбнулся, его забавлял вид возбужденных заговорщиков, словно сошедших со страниц «Острова сокровищ». Коломбо переходил от одного матроса к другому, проверяя оружие. Каждый из них имел «люгер» за поясом брюк под фуфайкой и пружинный нож в кармане. Коломбо не обошел никого вниманием, либо похвалив, либо пожурив за состояние оружия. Неожиданно Бонду пришла мысль, что, пожалуй, Коломбо устроил себе неплохую жизнь — полную захватывающих приключений и риска. И хотя это была жизнь преступника — постоянная схватка с полицией, единоборство с таможенными и валютными барьерами, с государственной табачной монополией — в ней, тем не менее, чувствовался привкус юношеской романтики, который если не обелял полностью проделки Коломбо, то делал их по крайней мере серыми, а не черными.

Энрико Коломбо взглянул на часы и отправил людей по местам. Погасив фонарь, он вместе с Бондом поднялся на мостик в перламутровые сумерки рассвета. Коломбо протянул вперед руку.

— За этим мысом — гавань. Оттуда нас пока не видно. Там, за молом, как мне кажется, некое судно разгружает рулоны обычной газетной бумаги в склад на берегу. Обогнув мыс, мы дадим полный вперед и причалим к их борту. Будет драка. Будут и проломленные черепа, но надеюсь, что обойдется без стрельбы. Мы первыми стрелять не станем. Но помните, что берем на abordаж албанское судно, полное опасной шпаны. Если поднимется шухер, вы должны стрелять вместе со всеми. Эти люди — такие же враги вашей страны, как и моей. А если вас убьют, так убьют. О'кей?

— Мне все ясно.

Едва Бонд сказал это, как раздался звонок машинного телеграфа, и палуба под ногами задрожала. На скорости десять узлов «Коломбина» обогнула мыс и вошла в гавань.

Все было, как обещал Коломбо. У каменного волнолома стояла шхуна с обвисшим, лениво хлопающим в предутреннем бризе такелажем. Сходни из досок соединяли ее корму с черным зевом ветхого пакгауза из гофрированного железа на берегу. Внутри склада горела тусклая электрическая лампочка. Палуба шхуны была завалена огромными рулонами, похоже, действительно газетной бумаги. На судне и на берегу работали человек двадцать. Они затаскивали очередной рулон на сходни, а дальше он катился сам в ворота пакгауза. Только внезапность нападения могла сравнять силы. «Коломбина» была уже в пятидесяти ярдах от шхуны, когда один или два человека прекратили работу и, выпрямившись, посмотрели на подходящее судно. Затем один из них бросился внутрь пакгауза. В этот момент Коломбо выкрикнул резкую команду. Дизель, взревев, захлебнулся, винты за кормой взбили пенный бурун, дав задний ход. На мостике «Коломбины» вспыхнул яркий прожектор, в то время как она по инерции подошла к борту албанского судна. Удар был жестоким, но в тот же момент брошенные стальные кошки намертво вцепились в борт шхуны от кормы до носа, и команда «Коломбины» во главе с хозяином уже карабкалась на палубу албанца.

Бонд решил придерживаться собственного плана. Прыгнув на неприятельскую палубу, он в два прыжка пересек ее, перелез через леер и спрыгнул на берег. Между бортом шхуны и молом оставалось футов двенадцать, и Бонд, прыгнув как можно дальше вперед, приземлился, как кот, сразу на четыре конечности и замер в этой позе на мгновение, оценивая обстановку. На палубе уже началась стрельба. Первым же выстрелом разбило прожектор, и вновь поле боя окутал серый предрассветный туман. Прямо перед Бондом на камни причала с хрустом упало тело одного из албанцев и, дернувшись, распласталось неподвижно. В тот же момент из ворот

пакгауза раздалась пулеметная очередь. Ручной пулемет бил короткими очередями, мастерски нащупывая цели. Прячась в тени от борта шхуны, Бонд рванулся навстречу пулеметчику, но тот заметил его, и вокруг Бонда засвистели пули, с чмоканьем вбиваясь в борт шхуны и с визгом рикошетируя в темное небо. Бонд нырнул под сходни и на животе пополз вперед. Пули крошили доски у него над головой. Бонд забился в сужающееся пространство между камнями мола и сходнями как можно дальше. Доски над ним задрожали, послышалась серия глухих ударов, а затем — нарастающий грохот. Кто-то из людей Коломбо перерезал канаты, и целый штабель рулонов устремился вниз по сходням. Это давало Бонду шанс. Он выскользнул из укрытия с левой стороны. Если пулеметчик и ждал его, то ждал справа. Он сидел, прижавшись спиной к стене пакгауза. Бонд выстрелил дважды подряд на секунду раньше, чем заискрился раструб пулеметного дула. Палец мертвеца свело на курке, и, прежде чем отдача выбила пулемет из его рук, пляшущие огоньки на конце дула описали круг, похожий на колесо святой Катерины, и пулемет с лязгом упал на камни мола.

Бонд ринулся было в ворота пакгауза, но поскользнулся и растянулся во весь рост. Секунду он лежал оглушенный, лицом в луже какой-то черной патоки, затем, выругавшись, поднялся на четвереньки и резво уполз за кучу рулонов, сгрудившихся у стены склада. Один из них, вспоротый пулеметной очередью, продолжал сочиться темной густой жидкостью. Бонд тщательно вытер лицо и руки. Этот сладковатый затхлый запах он уже нюхал однажды в Мексике. Так пахнул сырой опиум.

Пуля звонко щелкнула в железную стену сарая рядом с головой Бонда. Он еще раз вытер ладонь правой руки о брюки и пополз к воротам склада. Слегка удивленный, что никто не выстрелил, когда его силуэт мелькнул в проеме ворот, Бонд заглянул в пакгауз. Внутри свет не горел, но на улице уже развиднелось. Вдоль стен аккуратными штабелями были уложены серые рулоны «бумаги». В конце прохода между ними виднелась закрытая дверь. Вся обстановка внутри сарая дышала коварством, она словно провоцировала Бонда рискнуть. Но в воздухе явственно ощущался запах смерти, и Бонд, не поворачиваясь, боком выскользнул наружу. Стрельба заметно утихла. Навстречу ему, переваливаясь и почти не отрывая ног от земли, как бегают толстяки, во весь дух неся Коломбо. Бонд властно приказал ему:

— Держитесь подальше от ворот. Ни шагу внутрь и не пускайте туда никого из ваших людей. Я зайду с тыла. — Не дожидаясь ответа, он бегом обогнул угол пакгауза.

Склад был длиной около пятидесяти ярдов. Пробежав вдоль его стены, Бонд затормозил и, бесшумно ступая, подкрался к углу. Прижавшись к гофрированному железу, он быстро выглянул из-за угла и моментально отпрянул назад. У задней двери, прикинув к глазку, стоял человек. В руках он держал подрывной механизм, провода от которого тянулись под дверь. Рядом с ним стоял черный открытый автомобиль — «ланчия грантуризмо» с едва слышно урчащим мотором.

Это был Кристатос.

Бонд опустился на колени и, взяв пистолет двумя руками, качнулся за угол, выстрелив по ногам Кристатоса. Промых. И в ту же секунду, когда облачко пыли взметнулось в дюйме от мишени, раздался грохот взрыва. Жестяная стена, ударив, отбросила Бонда. Он с трудом поднялся на ноги. Пакгауз чудовищно вспучился, пошел трещинами и с шумом стал обрушиваться, словно колода жестяных карт. Кристатос уже сидел в машине и отъехал ярдов на двадцать. Из-под задних колес фонтанировала пыль. Джеймс Бонд стал в классическую стойку стрелка из пистолета и, задержав дыхание, прицелился. «Вальтер» в его руке трижды дернулся. При последнем выстреле, уже на дистанции пятьдесят ярдов, фигура, прикикая к рулю, откинулась назад. Руки взлетели в стороны, а голова коротко дернулась вверх и

упала на грудь как подрубленная. Левая рука упала на дверцу машины и осталась вытянутой, будто мертвец показывал левый поворот. Бонд побежал по дороге, чтобы остановить машину, но ее колеса оставались в глубоких колеях проселка, а правая нога трупа по-прежнему давила на акселератор. Пронзительно визжащая на третьей скорости «ланчия» рванулась вперед. Бонд остановился, глядя ей вслед. Набирая скорость, автомобиль мчался по выжженной равнине, и облачко белой пыли весело клубилось следом за ним. Бонд ждал, что вот-вот машина свернет с проселка, но этого не случилось, и он провожал ее взглядом до тех пор, пока она не пропала из виду в утренней дымке, обещавшей погожий денек.

Бонд поставил «вальтер» на предохранитель и сунул его за ремень брюк. Обернувшись, он увидел подходящего к нему Коломбо. Толстяк с довольным видом ухмылялся. Он подошел вплотную и, к ужасу Бонда, раскинул руки, облапил его и расцеловал в обе щеки.

Бонд закричал:

— Ради Бога, только не это, Коломбо!

Итальянец громко расхохотался.

— Ага, чопорный англичанин! Всегда скрывает истинные чувства. Но я, — он ударил себя кулаком в грудь, — я, Энрико Коломбо, люблю этого человека и не стесняюсь признаться в этом. Если бы вы не свалили пулеметчика, никого из нас не осталось бы в живых. А так я потерял всего двоих, остальные только ранены. Из албанцев лишь полдюжины остались на ногах и разбежались по округе. Полиция всех их переловит. А сейчас вы отправили этого ублюдка Кристатоса прямиком в ад, да на собственном транспорте. Какой блистательный конец для него! Интересно, что будет, когда его гоночный катафалк доедет до шоссе? Он уже заранее показывает левый поворот на автостраду. Надеюсь, он не забудет повернуть. — Коломбо неистово хлопнул Бонда по плечу. — Но пойдемте, мой друг. Нам пора сматываться отсюда. Кингстоны на албанце открыты, скоро он пойдет ко дну. В этой глуши нет телефона, поэтому у нас хорошая фора перед полицией. Кроме того, по прибытии им придется клещами вытягивать показания из здешних рыбаков. Я успел перекинуться парой слов с деревенским начальством. Никто здесь не питает теплых чувств к албанцам. Тем не менее, нужно поскорее отчаливать. Обратно мы пойдем против ветра, а с этой стороны от Венеции у меня нет врача, которому можно доверять.

Из-под руин пакгауза вырвались языки пламени, и поплыли клубы черного дыма со сладким запахом свежих овощей. Бонд и Коломбо обошли пожарище с наветренной стороны. Албанская шхуна уже стала килем на дно. По колено в воде они перешли по ее палубе на борт «Коломбины», где Бонду пришлось пройти сквозь строй хлопков по спине и рукопожатий. Судно отдало швартовы и взяло курс на мыс, загораживающий гавань. С берега за отплытием наблюдала небольшая кучка рыбаков, сгрудившихся вокруг лежавших на берегу лодок. Чуть выше виднелись их каменные домишки. Рыбаки производили впечатление угрюмых, но, когда Коломбо, подняв руку, крикнул им что-то по-итальянски, большинство помахали на прощание, а один прокричал несколько слов в ответ, и все рассмеялись.

Коломбо пояснил Бонду:

— Они говорят, что такого интересного зрелища не видели даже в кино в Анконе, и просят нас вернуться поскорее еще раз.

Неожиданно Бонд ощутил усталость. Его раздражала липкая кожа, щетина на лице и запах собственного пота. Он спустился вниз, одолжил у одного из матросов бритву и чистую рубашку и, раздевшись в своей каюте, вымылся. Когда он вынул пистолет, чтобы бросить его на койку, в ноздри ударил запах сгоревшего пороха из ствола. Этот запах напомнил ему страх и буйство смерти в серой дымке восхода. Он открыл иллюминатор. Море искрилось под солнцем и пестрело барашками, а удаляющийся берег, ночью черный и мрачный, теперь зеленел и был прекрасен.

Порыв ветерка донес с камбуза аппетитный запах жарящейся ветчины. Бонд резко опустил иллюминатор и пошел в кают-компанию.

Поглощая гору яичницы с ветчиной и запивая ее кофе с ромом, Коломбо расставил последние точки над «i».

— Так вот, мой друг, — сказал он, хрустя тостом. — Это был годовой завоз опиума-сырца в химическую лабораторию Кристатоса в Неаполе. Это правда, что у меня есть аналогичное предприятие в Милане. Оно служит удобным хранилищем для некоторых моих товаров. Но там я не произвожу ничего более смертельного, чем аспирин. В остальной истории Кристатоса вы можете заменить «Коломбо» на его имя, и все будет верно. Это он перерабатывал опий в героин и поставлял его в Лондон. Мы уничтожили товара, может, на миллион фунтов. Но чтобы вы знали, мой дорогой Джеймс, он не стоил Кристатосу ни гроша. Вы спросите — почему? Да потому, что это был подарок из России. Грандиозный снаряд, выпущенный в подбрюшье Англии. Русские могут поставить неограниченное количество смертоносной начинки для этого снаряда. Они собирают ее с полей опийного мака на Кавказе и используют Албанию как удобную перевалочную базу. Но у них не было орудия, чтобы выстрелить этим снарядом. Человек по имени Кристатос изобрел такую пушку и по приказу своих русских хозяев обстреливал из нее Англию. Сегодня, между нами говоря, мы взорвали это дьявольское орудие. Теперь вы можете вернуться домой и с чистой совестью сказать, что путь наркотика в Англию перекрыт. Не забудьте упомянуть, что Италия никогда не была источником тайного оружия массового уничтожения. Виноваты наши старые приятели — русские. Думаю, что у них есть специальный секретный отдел, отвечающий за ведение психологической войны. Впрочем, мой дорогой Джеймс, — Коломбо ободряюще улыбнулся, — быть может, вас пошлют в Москву выяснять это на месте. Если это случится, то надеюсь, что вы встретите там не менее очаровательную девушку, чем ваша подружка Лизл Баум, и эта русская девушка тоже выведет вас на верную дорогу.

— Что вы имеете в виду, дружище? Ведь Лизл — ваша подружка.

Коломбо покачал головой.

— Мой дорогой Джеймс, у меня много друзей. Вы проведете еще несколько дней в Италии, составляя отчет и, без сомнения, — он хихикнул, — проверяя то, что слышали от меня сейчас. Может быть, вы даже выкроите полчаса, чтобы позабавиться — растолковать некоторые вещи вашим коллегам из ЦРУ. А в промежутках между служебными делами советую вам насладиться красотами моей любимой родины, причем в приятной компании. У дикарей есть обычай предлагать дорогому гостю одну из своих жен. Я тоже в душе дикарь, и хотя холост, но имею массу веселых подружек, таких, как Лизл Баум. В подобных случаях она не нуждается в моих инструкциях, и у меня есть веские основания полагать, что она с нетерпением ждет вашего возвращения сегодня вечером. — Коломбо порылся в кармане брюк и со стуком бросил какой-то предмет на стол перед Бондом. — Вот оно — основание. — Прижав руку к груди, Коломбо серьезно посмотрел Бонду в глаза. — Я отдаю его вам от всего моего сердца. И от ее — тоже.

Джеймс Бонд взял вещицу со стола. Это был гостиничный ключ с тяжелой металлической биркой, на которой Бонд прочел: «Пансион Данелли», комната 60».

Перевод с английского С. А. Петухова